КРИМИНОЛОГИЯ

Дата поступления рукописи в редакцию: 10.05.2026 г. DOI: 10.24412/2782-3849-2026-5-133-139
Дата принятия рукописи в печать: 27.05.2026 г.

МАЙСТРЕНКО Григорий Александрович,

кандидат юридических наук, старший научный сотрудник ФКУ НИИ ФСИН России, ORCID: 0000-0001-5668-615X,

e-mail: g.maystrenko@yandex.ru

ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ И КРИМИНОЛОГИЯ: МЕТОДИКА ОБЩИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Аннотация. *Автор в статье на основе анализа работ юристов правоведов, основоположников современной теории оперативно-розыскной деятельности (А.И. Алексеев, К.К. Горяинов, Д.В. Гребельский, А.Г. Лекарь, В.А. Лукашов, С.С. Овчинский, Г.К. Синилов и др.), делает попытку обосновать объективную необходимость оперативно-розыскной криминологии как междисциплинарного направления исследований общей преступности. В статьи частично показано, что в настоящее время оперативно-розыскная криминология признается как представителями теории оперативно-розыскной деятельности, так и криминологами и предпринимается попытка поиска теоретической модели использования, с одной стороны, криминологических знаний в оперативно-розыскной деятельности, а с другой – оперативно-розыскных средств и методов в криминологических исследованиях.*

Ключевые слова: *оперативно-розыскная деятельность; уголовное право; криминология; оперативно-розыскная криминология; оперативно-розыскная профилактика; оперативно-криминологическое исследование.*

MAISTRENKO Grigoriy Aleksandrovich,

senior researcher of the PKU Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia

OPERATIONAL INVESTIGATIVE ACTIVITIES AND CRIMINOLOGY: METHODOLOGY OF GENERAL RESEARCH

Annotation. *In this article, based on an analysis of the works of legal scholars and the founders of the modern theory of operational investigative activities (A.I. Alekseev, K.K. Goryainov, D.V. Grebelsky, A.G. Lekar, V.A. Lukashev, S.S. Ovchinsky, G.K. Sinilov, and others), the author attempts to justify the objective necessity of operational investigative criminology as an interdisciplinary field of research on general crime. The article partially shows that operational-search criminology is currently recognized by both representatives of the theory of operational-search activities and criminologists, and an attempt has been made to find a theoretical model for using, on the one hand, criminological knowledge in operational-search activities, and on the other hand, operational-search tools and methods in criminological research.*

Key words: *operational investigative activities; criminal law; criminology; operational investigative criminology; operational investigative prevention; operational criminological research.*

В последние десятилетия в развитии отечественной и зарубежной криминологии наблюдается ярко выраженная тенденция к обособлению исследований отдельных сторон, в частности видов и сфер проявления преступности, отличающихся значительной спецификой. Закономерно в этой связи возникновение таких понятий как «военная», «политическая», «пенитенциарная» и тому подобные «криминологии». Однако, из-за тавтологии («криминология ... преступности») они вряд ли могут быть приемлемыми, но важен сам факт выделения отраслей криминологии, исходящего из необходимости учета специфики многообразных проявлений преступности [1].

В ряду отраслевых «криминологий» пока не находится должного места направлению исследований, которое мы называем оперативно-розыскной криминологией, хотя специфика изучения преступлений и преступности, их причин и условий, личности потенциальных и реальных преступников, проблем профилактики преступлений в сфере оперативно-розыскной деятельности (ОРД) едва ли может вызвать сомнение. Криминалистика и теория оперативно-розыскной деятельности

— наиболее близкие по теоретическому и практическому содержанию юридические науки. Они имеют одни объекты изучения — преступную деятельность различных видов и деятельность по ее раскрытию. Много общего и в истории их развития, тактике и методике проведения следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий. И это не случайно, ибо многие исходные теоретические положения, приемы и методы оперативно-розыскной деятельности сформировались в рамках криминалистики. До недавнего времени криминологические проблемы рассматривались преимущественно, если не исключительно, теорией ОРД. При этом отмечается, что многие категории и понятия криминологии, такие как причины и условия преступности, криминологическое учение о личности преступника, являются для данной теории основополагающими, исходными[2], а многие научные выводы и достижения криминологической теории стали фундаментом формирования принципов и теоретических концепций ОРД [3].

Справедливости ради следует отметить, что в последние годы, ознаменовавшиеся интенсивным развитием не только криминологии, но и теории оперативно-розыскной деятельности, исследователи последней уделяют криминологическим проблемам ОРД все более пристальное внимание. Так, в работах К.К. Горяинова и В.С. Овчинского, отмечается органическая связь теории ОРД с криминологической наукой и как бы подытоживая предшествующие исследования, подчеркивается: «Все категории криминологии, отражая углубленные знания многочисленных явлений, порождаемых преступностью, оказывают непосредственное влияние на организацию и тактику оперативно-розыскной деятельности»[4].

Становится очевидным, что без привлечения криминологических знаний и умений в настоящее время не мыслится ни одно масштабное оперативно-профилактическое мероприятие как федерального, так и регионального уровня. Закономерным итогом такого «взаимодействия» является раскрытия преступлений.

К таким преступлениям относится:

розыск и задержание виновных лиц;

пресечение деятельности криминальных группировок;

изъятие оружия, боеприпасов и взрывчатых веществ;

предотвращение и пресечение контрабандного вывоза за пределы России стратегически важного сырья и металлов;

незаконный ввоз, перемещение внутри страны и транзитная переброска оружия, наркотиков, нелегальных мигрантов;

предупреждение террористических актов;

похищения людей и захвата заложников;

обнаружение угнанных автомобилей;

выявление и постановка на оперативный или профилактический учеты новых лиц и групп, представляющих повышенный оперативный интерес.

Сказанное, безусловно, свидетельствует о важности научных исследований, направленных на выявление, пресечение, раскрытие и предупреждение пенитенциарных преступлений, не только с точки зрения оперативно-розыскной деятельности, но и с учетом криминологических достижений.

Постепенная переориентация криминологии на более тесную связь с теорией и практикой ОРД примечательна, по крайней мере, в двух отношениях.

Во-первых, это показатель достаточной зрелости отечественной криминологии, от которой общество ждет более объективного, обоснованного и оперативного объяснения процессов, происходящих в состоянии и динамике преступности в период рыночных реформ.

Во-вторых, такое взаимодействие криминологических и оперативно-розыскных знаний позволит своевременно прогнозировать тенденции развития преступности, и на ранних стадиях осуществлять предупредительную деятельность. В научном плане взаимосвязь оперативно-розыскной науки и криминологии определяется в объединении данных наук в одну степень научного определения.

Каковы же возможности оперативно-розыскной деятельности как потенциального поля для проведения криминологических исследований? Попытаемся выяснить их применительно к отдельным видам оперативно-розыскных мероприятий, в форме которых, собственно, и протекает вся эта деятельность. Следует сразу же оговориться, что хотя законодатель и относит к числу задач ОРД профилактику преступлений, на практике использование оперативно-розыскных мероприятий происходит преимущественно в целях выявления и изобличения виновных лиц. Но и при таком положении дел информационные возможности оперативно-розыскных мероприятий в познании скрытых проявлений преступности остаются довольно значительными.

Результаты проведенных исследований дают основания заключить, что для целей криминологического исследования больше всего подходят глубокие, специально проводимые, длительные (в идеале постоянные) оперативно-розыскные мероприятия (главным образом

наблюдение, оперативное внедрение и оперативный эксперимент) [5]. Но это совершенно не означает, что другие ОРМ не обладают никаким оперативно-криминологическим потенциалом.

Во-первых, даже при проведении разового мероприятия можно получить информацию, представляющую интерес для криминологии, в том числе пенитенциарной. Во-вторых, при проведении сугубо оперативно-розыскных мероприятий сотрудники оперативных подразделений получают значительный объем так называемой попутной информации. Специальные исследования показывают, что в оперативных делах подразделений уголовного розыска такая информация встречается почти в половине случаев (45,4 %), а подразделений по борьбе с экономической преступностью – и того чаще (60,7 %).

И все же наибольший интерес в плане оперативно-криминологического изучения преступности являются разновидности указанных выше оперативно-розыскных мероприятий – оперативное внедрение, агентурное наблюдение и длящийся оперативный эксперимент. Рассмотрим, как это сопрягается с методами наблюдения, опроса и изучения документов.

Если оперативное внедрение оценивать только с методической стороны, опуская его организационный и тактический аспекты, которые заслуживают отдельного анализа, то нетрудно заметить, что оно открывает возможность для широкого использования методов опроса, наблюдения, а в зависимости от объекта внедрения и его конкретного участка (например, бухгалтерия коммерческого предприятия) – и для изучения документов. Иначе говоря, оперативное внедрение предполагает использование названных методов и создает для этого благоприятные условия[6].

Агентурное наблюдение подразумевает пребывание субъекта ОРД в криминальной или криминогенной среде, оказавшееся результатом внедрения либо естественно сложившихся обстоятельств, и также позволяет активно использовать опрос и наблюдение, а при наличии документов и возможности доступа к ним – их изучение. При этом субъектом применения указанных методов в конкретных условиях места и времени могут быть как штатные (гласные и негласные) сотрудники оперативных подразделений, так и их конфиденциальные помощники.

Что касается изучения (анализа) документов, то этот метод в «полевых» условиях ОРД, очевидно, может применяться главным образом в рамках указанных и других оперативно-розыскных мероприятий, поскольку для его автономного использования требуются специальные, лабораторные условия. Исключение составляют лишь случаи, когда субъект ОРД, он же участник исследования, по роду своих занятий работает с представляющими оперативный, а равно исследовательский интерес документами. В то же время как метод оперативно-криминологического исследования анализ документов может применяться лабораторно, когда объектами изучения выступают, например, дела оперативного учета, отдельные оперативные или аналитические материалы. При соблюдении определенных условий и требований, связанных с обеспечением режима секретности и конспирации, субъектами применения этого исследовательского метода могут выступать как научные, так и специально подготовленные оперативные работники.

Наблюдение, опрос и изучение документов, хотя, возможно, и в относительно ограниченном объеме, в принципе могут использоваться и при проведении такого оперативно-розыскного мероприятия, как оперативный эксперимент, особенно если он проводится продолжительное время или регулярно, в частности, под прикрытием так называемых легендированных объектов. Отечественный опыт использования оперативного эксперимента пока незначителен, да и скрыт от непосвященных. Судя по информации о зарубежном опыте[7], задача подставных организаций и фирм – создать видимость заинтересованности в противозаконных торговых и иных операциях, что предполагает установление доверительных отношений с подозреваемыми, а значит их зашифрованные опросы, наблюдение за ними, ознакомление с соответствующими документами о предполагаемых сделках. Обобщенно говоря, оперативный эксперимент как оперативно-розыскное мероприятие предполагает создание негласно контролируемых условий или объектов для выявления возможных преступных посягательств, предупреждения, пресечения либо раскрытия преступлений средней тяжести, тяжких и особо тяжких преступлений. Проведение оперативного эксперимента исключает провокацию преступления, требует особого профессионального мастерства, можно сказать, оперативно-розыскного искусства и поэтому не может быть поставлено «на поток». Тем ценнее оперативно-криминологические потенции этого мероприятия.

Если обобщить возможности и способы получения оперативно-криминологической информации применительно к трем рассмотренным социологическим методам, то варианты ее сбора могут быть довольно разнообразными. Это, в частности: формализованное изучение (например, с

использованием анкетирования) оперативных дел и материалов, находящихся в производстве оперативных подразделений, самими оперативными работниками; программированное или свободное, содержательно-смысловое изучение реализованных (архивных) дел силами исследователей; совместное изучение указанных дел и материалов научными и практическими работниками; упомянутые опросы сотрудников оперативных подразделений и их негласных помощников; непосредственное наблюдение конфидентов и штатных сотрудников оперативных подразделений за событиями, явлениями и процессами, происходящими в криминогенной или преступной среде; анализ материалов целевых оперативно-поисковых и оперативно-профилактических мероприятий по выявлению причин и условий совершения преступлений, их предупреждению и пресечению и т.д.[8].

Наблюдение, опрос и анализ (изучение) документов как методы получения оперативно-криминологической информации «присутствуют» не только в рассмотренных, но и в других оперативно-розыскных мероприятиях. В социологии и криминологии наблюдение классифицируется по различным основаниям. В частности, выделяется контролируемое и неконтролируемое, включенное и невключенное, систематическое и случайное, непосредственное и опосредованное наблюдение[9].

Для контролируемого наблюдения характерны предварительное определение элементов изучаемого объекта, составление плана записей наблюдения и скрупулезная фиксация его результатов. При неконтролируемом наблюдении заранее намечается лишь непосредственный объект, а в ходе исследования выясняется социальная или социально-психологическая атмосфера изучаемого явления или события, определяются границы и наиболее значимые элементы объекта, собирается первоначальная информация о них.

При невключенном (внешнем) наблюдении исследователь или его помощники находятся вне изучаемого объекта. Включенное наблюдение означает обязательное присутствие наблюдателя в изучаемой среде как непосредственного участника исследуемых процессов[10]. При этом степень его включенности может варьироваться от активного до внешне пассивного участия, от открытого до скрываемого, от частичного до полного включения в исследуемый процесс. Для целей оперативно-розыскной криминологии, безусловно, предпочтительнее всего полное и скрытое включенное наблюдение, при котором можно получить информацию, доступ к которой невозможен при внешнем и затруднен при использовании других разновидностей включенного (внутреннего) наблюдения.

Случайное (нерегулярное) наблюдение характеризуется кратковременным изучением заранее не предусмотренной ситуации. Для систематического наблюдения, напротив, характерна планомерная и регулярная фиксация действий, явлений, процессов в течение определенного отрезка времени.

Наконец, непосредственное наблюдение означает восприятие проявлений изучаемых объектов с помощью естественных органов чувств наблюдателя, а опосредованное – с помощью приборов, иных технических средств или других людей. Последняя классификация выбивается из классических представлений о наблюдении как социологическом методе, но оперативно-розыскной криминологией может быть взята на вооружение.

Следует отметить, что криминологи указывают на сложности использования включенного наблюдения. При этом обращается внимание на его этический аспект, обеспечение безопасности наблюдателей, трудности и специфику внедрения в преступную среду, «кризис терпения» наблюдаемых и др.[11]. Безусловно, проблемы, связанные с оперативным внедрением и включенным наблюдением, существуют, однако здесь они не рассматриваются, поскольку относятся к организации и тактике ОРД, согласно закону составляющие государственную тайну.

Говоря об опросе как методе оперативно-криминологического исследования, к сказанному выше необходимо добавить следующее. Опрос в качестве научного метода известен давно и заключается в сборе первичной эмпирической информации об объективных и (или) субъективных фактах со слов опрашиваемых, иначе именуемых респондентами. В оперативно-криминологических исследованиях, как и в общей, а также пенитенциарной криминологии, могут использоваться любые виды и разновидности опроса: письменный и устный, свободный и формализованный (стандартизированный), анкетный и в форме интервью. Анкетный опрос (анкетирование) в свою очередь может быть прессовым (через прессу), почтовым и раздаточным, а интервью – личным и телефонным, индивидуальным и групповым, глубинным и направленным, с открытыми и закрытыми вопросами (как и при анкетировании) и т.д. Каждый из видов (разновидностей) опроса выбирается с учетом конкретных условий исследования и, кроме ситуаций скрытого опроса, не влечет особых ограничений. Что касается опроса, цели которого скрываются от респондентов, то необходимость в нем чаще всего возникает при оперативном внедрении в криминогенно-криминальную среду

и агентурном наблюдении за ее участниками[12]. При этом соображения конспирации объективно диктуют необходимость исключительного или преимущественного использования свободного, личного, индивидуального, глубинного или направленного опроса в виде интервью. Это означает, что такой опрос должен соответственно проводиться: без заранее подготовленного письменного плана беседы (вопросника), хотя и на заданную тему; лично исследователем или хорошо подготовленным интервьюером, как правило, штатным негласным сотрудником, и только в исключительных случаях – опытным конфидентом; отдельно с каждым респондентом.

Характеризуя познавательные возможности анализа (изучения) документов, именуемого также документальным методом, необходимо прежде всего отметить, что для наук уголовно-правового цикла, в частности криминологии и теории ОРД, приемлемо более широкое социологическое понимание документа как любого материального объекта, содержащего информацию в зафиксированном виде и специально предназначенного для ее передачи во времени и пространстве. Этим определением охватываются официальные и неофициальные документы, предназначенные для общественного или только личного пользования (например, дневники или иные тайные записи о связях преступников, их криминальных доходах и т.п.).

В социологии различают письменные(рукописные и печатные, документы постоянного и временного хранения, научные и газетно-журнальные публикации, статистическую отчетность и личные документы),иконографические(кино-, видео- и фотодокументы), фонетические (технические носители звуковой информации – магнитные ленты, кассеты, диски и пр.)документы.

Бурное развитие электроники и практическое использование ее достижений во всех сферах общественной и в личной жизни породили новый вид документации – электронный (программы, файлы, дискеты и др.)[13].

Все перечисленные виды документов имеют определенную значимость для целей оперативно-криминологического исследования. В зависимости от характера и содержания документов, условий их изучения (полевые или лабораторные), степени доступа к ним и т. д. избираются конкретные способы анализа. При использовании документального метода важно, прежде всего, руководствоваться элементарным правилом: этот метод особенно ценен тогда, когда документ является единственным или главным источником необходимой информации. После уяснения данного обстоятельства и принятия решения об использовании документального метода определяется один из двух основных типов анализа избранных для исследования документов – традиционный (классический) и формализованный (контент-анализ).

Под традиционным (классическим) анализом понимается применение всего многообразия умственных операций, направленных на истолкование содержащихся в документе сведений с определенной точки зрения, принятой исследователем в конкретном случае. С помощью классического анализа достигается качественное определение, понимание и толкование содержания документов. Он призван выявить глубинные, скрытые стороны документа. Вместе с тем неизбежным недостатком такого анализа является его субъективность.

Контент-анализ, или формализованный качественно-количественный анализ документов, предполагает перевод текстовой либо иной документальной информации на язык количественных показателей, позволяющих избежать субъективных оценок. Однако при этом необходимо найти такие признаки документа, которые были бы легко воспринимаемы и в то же время объективно отражали существенные стороны его содержания.

Если учесть особенности оперативно-криминологического исследования и высказанные выше соображения о пределах использования рассматриваемого метода при изучении документов в процессе ОРД, то следует признать, что применение этого метода в оперативно-розыскной криминологии довольно ограничено и будет в основном сводиться к лабораторному изучению документов, обращающихся в оперативно-розыскном делопроизводстве. При этом, однако, не исключен анализ не только внутренних документов оперативных подразделений, но и документов, специально добываемых для изучения из внешней, контролируемой среды.

Наконец, несколько слов о научно-методическом потенциале оперативно-криминологического эксперимента. По свидетельствам ученых, вопрос об эксперименте в криминологии всегда был остро дискуссионным и решался, как правило, с позиций либо полного неприятия, либо ограниченного применения, в частности, в сфере профилактики правонарушений. Лишь всестороннее исследование эксперимента в криминологии позволило сделать вывод не только о возможности, но и необходимости его применения – при соблюдении определенных правил. Этот вывод принадлежит Н.П. Косоплечеву, который в одной из своих работ отмечает: «Криминологический эксперимент представляет собой заранее обусловленную в определенных пределах

общественную деятельность в рамках закона и с соблюдением моральных норм с целью проверки гипотез о причинах и условиях совершения правонарушений и об оптимальных мерах их предупреждения для выработки эффективных форм и методов профилактики правонарушений и ее правового регулирования»[14].

Из приведенных высказываний можно заключить, что оперативно-криминологический эксперимент в чистом виде вряд ли реален. Именно поэтому он, как показано выше, вероятно, может сочетаться только с оперативным экспериментом как оперативно-розыскным мероприятием. Теоретически это вероятно, но критерием истины, как известно, выступает практика[15].

Таким образом, возможности оперативно-розыскной криминологии как междисциплинарного направления исследований преступности с привлечением сил, средств, методов криминологии, теории и практики оперативно-розыскной деятельности представляются весьма перспективными, фактически не используемыми, но потенциально неисчерпаемыми. Предлагаемое соединение двух научных дисциплин способно обогатить как теорию ОРД, так и криминологию. Конечно, становление оперативно-розыскной криминологии сопряжено со значительными теоретическими и практическими трудностями, но это, как представляется, процесс неизбежный.

Список литературы:

[1] Яковлев А.М. Теория криминологии и социальная практика / А.М. Яковлев. – Москва: Машиностроение, 2017. – 248 с.

[2] Быков А.В. Личность как объект оперативно-розыскной криминологии / А.В. Быков, С.С. Зенин, О.В. Кудряшов // Всероссийский криминологический журнал. – 2018. – Т. 12, № 2. – С. 157-164. – DOI: 10.17150/2500-4255.2018.12(2).157-164.

[3] Исиченко А.П. Оперативно-розыскная криминология: пенитенциарный аспект: моногр. / А.П. Исиченко, Е.В. Егорова, А.М. Фумм. М.: НИИ ФСИН России, 2011. 122 с.

[4] Теория оперативно-розыскной деятельности: учебник / под ред. К.К. Горяинова, В.С. Овчинского. 4-е изд., перераб. и доп. – М.: ИНФРА-М, 2020. – 772 с.

[5] Пенитенциарная криминология: учебник / под ред. Ю.М. Антоняна, А.Я. Гришко, А.П. Фильченко. – Рязань: Академия права и управления

ФСИН России, 2009. – 567 с.

[6] Криминология. Перевод с нем. / Шнайдер Г.Й.; под ред.: Иванов Л.О. – М.: Прогресс-Универс, 1994. – 502 с.

[7] Геворгян В.М. Организованная преступность в США / В.М. Геворгян. – М.: Наука, 2019. – 168 с.

[8] Лапин А.А. Стратегия обеспечения криминологической безопасности личности, общества, государства и ее реализации органами внутренних дел: моногр. / А.А. Лапин. – М.: Юнити-Дана, Закон и право, 2017. – 264 с.

[9] Рабочая книга социолога / под общ. ред. и с предисл. Г. В. Осипова. 5-е изд. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 480 с.

[10] Социологический энциклопедический словарь. На русском, английском, немецком, французском и чешском языках. Редактор-координатор Г.В. Осипов. – М.: Изд-во НОРМА, 2000. – 488 с.

[11] Антонян Ю.М. Краткий курс криминологии / Ю.М. Антонян, Л.С. Саблина. – М.: МГЭИ, 1997. – 160 с.

[12] Алексеев А.И. Криминология. Курс лекций / А.И. Алексеев. – М.: Щит-М, 2018. – 340 с.

[13] Сухарев А.Я. Состояние и тенденции преступности в Российской Федерации. Криминологический и уголовно-правовой справочник / А.Я. Сухарев, С.И. Гирько. – М.: Экзамен, 2017. – 384 с.

[14] Долгова А.И. Криминология / А.И. Долгова. – М.: Норма, 2016. –384 с.

[15] Ефименко М.О. Криминологическая теория и практика в организации ведомственного контроля за достоверностью уголовной статистики / М.О.Ефименко, Р.В.Скоморохов, В.М. Шиханов. – М.: ВолтерсКлувер, 2010. – 288 с.

References:

[1] A.M. Yakovlev. Theory of Criminology and Social Practice/ A.M. Yakovlev. - Moscow: Mechanical Engineering, 2017. – 248 c.

[2] Bykov A.V. Personality as an object of operational-search criminology/A.V. Bykov, S.S. Zenin, O.V. Kudryashov//All-Russian Criminological Journal. – 2018. - T. 12, NO. 2. - S. 157-164. – DOI: 10.17150/2500-4255.2018.12(2).157-164.

[3] Isichenko A.P. Operational-search criminology: penitentiary aspect: monogr ./A.P. Isichenko, E.V. Egorova, A.M. Fumm. M.: Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, 2011. 122 s.

[4] Theory of operational-search activity: textbook/ed. K.K. Goryainova, V.S. Ovchinsky. 4th ed., Revised and add. - M.: INFRA-M, 2020. - 772 s.

[5] Penitentiary criminology: textbook/ed. Yu.M. Antonyan, A.Ya. Grishko, A.P. Filchenko. - Ryazan: Academy of Law and Management FSIN of Russia, 2009. - 567 p.

[6] Criminology. Translated from it ./Schneider

G.Y.; ed.: Ivanov L.O. - M.: Progress-University, 1994. – 502 c.

[7] V.M. Gevorgyan. Organized crime in the USA/V.M. Gevorgyan. - M.: Nauka, 2019. – 168 c.

[8] Lapin A.A. Strategy for ensuring the criminological security of the individual, society, the state and its implementation by the internal affairs bodies: monogr ./A.A. Lapin. - M.: Unity-Dana, Law and Law, 2017. – 264 c.

[9] Sociologist's workbook/under the general. ed. and c foreword. G.V. Osipova. 5th ed. - M.: LIBROKOM Book House, 2009. - 480 s.

[10] Sociological Encyclopedic Dictionary. In Russian, English, German, French and Czech. Coordinating editor G.V. Osipov. - M.: Publishing house NORMA, 2000. - 488 s.

[11] Antonyan Y.M. Short Course in Criminology/Y.M. Antonyan, LS Sablina. - M.: MOSCOW STATE INSTITUTE OF ECONOMICS, 1997. - 160 s.

[12] Alekseev A.I. Criminology. Course of lectures/A.I. Alekseev. - M.: Shield-M, 2018. – 340 c.

[13] A.Ya. Sukharev. State and Trends of Crime in the Russian Federation. Criminological and Criminal Law Handbook/ A.Ya. Sukharev, S.I. Girko. - M.: Exam, 2017. – 384 c.

[14] Dolgova A.I. Criminology/A.I. Dolgova. - M.: Norma, 2016. – 384 c.

[15] Efimenko M.O. Criminological theory and practice in organizing departmental control over the reliability of criminal statistics/M.O. Efimenko, R.V. Skomorokhov, V.M. Shikhanov. - M.: WoltersKluver, 2010. - 288 p.

